

ГЕОРУСИСТИКА И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ ЯЗЫКА

Статья посвящена проблеме исследования русского языка в современных условиях. Термин «георусистика» предложен в качестве понятия, которое может отразить особенности взаимодействия русского языка с другими языками. На некоторых примерах показаны закономерности механизма формирования национальных вариантов языка.

Ключевые слова: геолингвистика, вариант языка, языковая ситуация.

Стаття присвячена проблемі дослідження російської мови у сучасних умовах. Термін «георусистика» використовується як таке поняття, яке дозволяє відзеркалити особливості взаємодії російської мови з іншими мовами. На деяких прикладах продемонстровано закономірності механізму формування національних варіантів мови.

Ключові слова: русистика, русофонія, варіант мови, мовна ситуація, мовна політика.

The article is dedicated to the problem of the development of the Russian language in the modern geopolitical environment. The term «georussian studies» is suggested as a notion that can reflect the peculiarities of the interaction of the Russian language with other languages. The peculiarities of the mechanism of forming the national variants of the language are shown on some number of examples.

Key words: Russian language, Russian linguistic, variant of the language, language situation.

Мы исходим из того – для нас неоспоримого – факта, что существующее на земле глобальное русскоязычное пространство формируется национальными вариантами русского языка. Русистика, осознавшее это пространство в качестве своего основного объекта, должна стать георусистикой, дисциплиной, в центре внимания которой – взаимодействие и взаимовлияние языков.

Мы используем термин «национальный вариант языка» вслед за В. Ю. Михальченко: «национальные варианты языка появляются в результате территориального обособления носителей языка и развития в разных территориальных образованиях (например, национальные варианты английского языка, функционирующего в Англии, США, Канаде, Австралии)» [3, с. 35]. Можно обсуждать степень удачности этого термина, можно уточнять некоторые аспекты дефиниции (Е. А. Журавлева категорически возражает против термина «казахский вариант русского языка», справедливо утверждая, что он – «казахстанский»), а именно «территориальность», а не «государственность» обособления, тем не менее, именно этот термин является сегодня наиболее приемлемым на данном этапе обсуждения проблемы.

Наиболее приемлемым при одном условии. При условии адекватного понимания категории «вариант». Каковое является определяющим для описания реальных лингвистических механизмов формирования национальных вариантов языка.

Для классической русистики понятие вариант прочно связано с понятием норма. Норма и варианты – вот как это звучит в лингвистическом обиходе. Как правило, когда речь заходит о вариантах, в «общественном лингвистическом сознании» возникает ассоциация с чем-то деструктивным, самым своим существованием негативно влияющим на норму, разрушающим норму. Говоря о варьировании, лингвисты имеют в виду прежде всего то или иное видоизменение формы знака: «Поэтому в современной лингвистике по отношению к разным видам синонимии понятия варианта и вариативности не используются. Они применяются главным образом к таким различиям языковых единиц, которые не связаны с разницей в их значении. Иначе говоря, вариативность – это прежде всего несоответствия во внешнем виде, в форме языковых знаков, которые имеют один и тот же смысл... Возникает вопрос: на каком основании мы говорим о вариантах, вариативности? Ведь вариант – это видоизменение, разновидность какой-то основы. Но что может рассматриваться в качестве такой основы, допускающей варьирование? Какова точка отсчета при установлении вариативных форм? При ответе на эти вопросы мы сталкиваемся с одним из фундаментальных лингвистических и социолингвистических понятий – понятием языковой нормы» [1, с. 37-39].

Иначе говоря, это субстанциональное варьирование. Между тем, в функциональной лингвистике [2] отношения инварианта и варианта (точнее, вариантов) видятся несколько иначе.

Инвариант и варианты рассматриваются как разные формы существования одной и той же реалии. Инвариант, реализуясь в различных условиях, порождает множество вариантов.

Сказанное станет более отчетливым на примере конкретных языковых единиц.

Так в фонологической системе русского языка, формируемой идеальными, эталонными единицами, допущенными к формированию означающих русского языка, существует фонема <о>. Она существует в системе фонем русского языка как «не- <a>», «не- <e>», «не- <y>» и т.д. и определяется как набор фонологических признаков. Именно эта форма существования фонемы выступает как инвариант по отношению к множеству вариантов – звукотипов, реализующих фонему в различных фонетических позициях: [o], [Ō], [a], [ɛ], [ɤ]...

Само допущение о том, что звукотип [ɤ] может быть вариантом <о>, недопустимо, если только мы не отдаем себе отчет в том, что отношения инвариант/вариант могут основываться не только на субстанциональном тождестве/подобии, но и на тождестве функциональном.

Между тем функциональные тождества субстанционально различных реалий пронизывают мир человека. Простейший пример: мелок, перьевая ручка, шариковая ручка, карандаш, принтер, гусиное перо...

Варианты фонемы <о>, не будучи тождественны друг другу по своим артикуляторным и акустическим свойствам, тем не менее, тождественны функционально как реализации конкретной фонемы в конкретной фонетической позиции. Конечно же, основной вариант фонемы <о> звукотип [o] – это иной звукотип, чем, скажем, вариант [a], представляющий фонему <о> в первом предударном слоге. Иной артикуляторно и акустически. Тем не менее, эти звукотипы тождественны по своей функции: цель их бытия в системе русского языка – бытие вариантами конкретной фонемы. Множество вариантов – иная форма существования фонемы.

Это не единственный пример изоморфной для всех ярусов языка ситуации функционального тождества субстанционально нетождественных единиц.

Отношения функционального инварианта и вариантов изоморфны для всех подсистем языка. В семантике эти отношения осложняются односторонностью инварианта и двусторонностью знаковых вариантов. Мы писали об этом феномене, именуя его «семантема» и определяя в качестве основной единицы системы номинативных средств естественного языка [2, с. 145-150].

Фактором, обуславливающим существование множества вариантов семантемы, является разнообразие типовых ситуаций, в которых семантема «приходится» реализоваться. Совокупность условий, определяющих осуществляемый говорящим выбор одного из возможных способов экспликации языкового понятия, мы называем позицией.

Регулятивность языка присутствует в сфере номинации в форме типических состояний «среды» – в форме множества позиций, требующих использования определенных вариантов той или иной семантемы. Говорящий в своей речевой деятельности – «беспрерывном процессе номинации» – сталкивается с необходимостью выразить конкретное языковое понятие. Говорящий располагает арсеналом средств такого выражения – совокупностью вариантов семантемы. В каждом конкретном случае возникает своего рода «кроссворд»: для экспликации семантемы в данной позиции будет избрана та номинативная единица, которая с точки зрения субъекта говорения максимально точно соответствует числу и характеру «клеточек»-признаков, присущих данной ситуации. Аналогия с кроссвордом достаточно наглядна: если в задании к нему мы прочитаем формулировку сигнификата, например, 'орган зрения', который необходимо выразить в заданной ситуации, определяемой числом букв, то наши действия будут совпадать с поведением в реальной речевой ситуации: мы попытаемся отыскать слово с указанным нам смыслом, которое вошло бы в требуемое число клеточек или соответствовало бы заданным параметрам ситуации общения. Если «клеточек» три, это – «око», если четыре – «глаз» и т. д.

Рассмотрим ряд примеров, наглядно демонстрирующих лингвистический механизм формирования вариантных единиц внутри языковой системы.

Так, в картине мира каждого носителя русского языка есть концепт (сигнификат) 'верховный законодательный орган'. Этот концепт может быть реализован в речи рядом соотносительных, но не тождественных номинативных единиц: *Государственная Дума, Парламент, Верховная Рада*. Выбор того или иного варианта реализации данного концепта определяется позиционными условиями. В зависимости от того, в какой позиции находится говорящий по отношению к конкретному объекту реальной действительности, им может быть выбрана в качестве основного варианта каждая из этих единиц. Если речь идет о Российской Федерации, то позицию основного варианта занимает сочетание *Государственная Дума*, если объектом номинации выступает украинский орган власти, то основным вариантом становится сочетание *Верховная Рада*.

Особенности реализации инвариантного значения в грамматике мы можем наблюдать на примере изменения соотношения предлогов *на* и *в* в сочетаниях «на Украине» / «в Украине». Данные предлоги выражают одно и то же пространственное значение, но для русского языка в России основным вариантом реализации данного значения в указанном сочетании будет форма с предлогом *на*, а для варианта русского языка в Украине позицию основного варианта занимает форма с предлогом *в*.

В фонетической системе русского языка в Украине и в России наблюдается изменения между соотношением вариантов реализации фонемы <з>. Так, при реализации этой фонемы в русском языке в России основным вариантом является взрывной [з], а фрикативный [з'] находится на периферии, возникая, например, в слове [боу]. Однако в речи носителей русского языка в Украине фрикативный звук перемещается с периферии и постепенно начинает выступать в качестве равноправного варианта реализации данной фонемы.

После этих примеров ясно, что, говоря о национальных вариантах русского языка, мы имеем в виду русский язык как инвариант, противопоставленный другим инвариантам, таким как английский язык, украинский язык, немецкий язык ...

Этот инвариант реализуется в различных «позициях», каковыми выступают государства: Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан и других. Конечно же, основным национальным вариантом русского языка (подобно основным вариантам фонемы, семантемы и других языковых единиц) является российский вариант русского языка. Именно он, равно как и основной вариант фонемы или семантемы, в массовом сознании отождествляется с самими инвариантом.

Российский вариант русского языка, тем не менее, это один из национальных вариантов русского языка, существующих на территориях иных государственных образований. К сожалению, мы до обидного мало знаем о том, что из себя представляют «неосновные» национальные варианты русского языка: каковы направления варьирования, какова мера или глубина варьирования – на все эти и многие другие вопросы нет не только ответов, но и инструментария для их получения.

Как представляется, внимательное и адекватное отношение к принципиально присущему естественному языку свойству существовать в форме множества вариантов заставило бы нас наконец-то отказаться от одного из самых стойких окололингвистических мифов – мифа о том, что любое взаимодействие языков, взаимодействие, ставшее обыденным делом в эпоху глобализации, приводит к «порче» «чистых», «идеальных», «правильных» языков.

Источники и литература

1. Беликов В. И. Социоллингвистика: учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: РГГУ, 2001. – 439 с.
2. Рудяков А. Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка) / А. Н. Рудяков. – К.: Грамота, 2004. – 224 с.
3. Словарь социоллингвистических терминов (под ред. В. Ю. Михальченко). – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

УДК 81'243

Агманова А. Е.

ОТ ТЕОРИИ К МОДЕЛИРОВАНИЮ УСВОЕНИЯ ВТОРОГО ЯЗЫКА*

Предикатоцентрическая теория усвоения второго языка представляет собой систему теоретических положений и опыт исследования закономерностей овладения неродным языком (на примере усвоения казахского языка как второго), основанный на признании определяющей роли формирования предикационных знаний в становлении вторичной языковой личности. В статье в обобщенном виде представлены результаты исследования, позволившие перейти от теории к моделированию усвоения второго языка.

Ключевые слова: теория, моделирование, усвоение второго языка.

Предикатоцентристська теорія засвоєння другої мови є системою теоретичних положень і досвідом дослідження закономірностей оволодіння нерідною мовою (на прикладі засвоєння казахської мови як другої), заснованим на визнанні визначальної ролі формування знань предикацій в становленні вторинної мовної особи. У статті в узагальненому вигляді представлені результати дослідження, що дозволили перейти від теорії до моделювання засвоєння другої мови.

Ключові слова: теорія, моделювання, засвоєння другої мови.

The predicative-central theory of the second language acquisition is the system of theoretical regulations and investigation experience of the rules of mastering non-native language (on the basis of examples of mastering the Kazakh language as the second), which is based on recognition of the defining role of the predicative knowledge formation in the process of bilingual personality formation. In the article the results of investigation which allow to pass from theory to the modelling of the second language mastering are given in general form.

Key words: theory, the modeling, the second language mastering.

В основе разработки предикатоцентрической теории усвоения второго языка лежит понимание предикативности как неотъемлемого конститутивного признака предложения, определяющего его функциональную